

ПЕРРИ АНДЕРСОН

Казуистика мира и войны

Перспектива второй войны в Ираке поднимает огромное множество вопросов, аналитических и политических. Каковы цели, стоящие за надвигающейся кампанией? Какими будут вероятные последствия? Что говорит нам стремление к войне о долговременном развитии глобального влияния Америки? Однако эти вопросы останутся без ответа, пока не пройдет определенное время после нападения, ожидающегося этой весной. На первом плане сейчас разнообразные споры о законности или разумности назревающей военной операции. Моя задача будет заключаться в том, чтобы рассмотреть нынешнюю критику администрации Буша, выраженную в общественном мнении, и ответов администрации на нее: по сути, структуру интеллектуального оправдания аргументов каждой из сторон, что их разъединяет и что у них есть общего. И закончу я некоторыми наблюдениями о том, как эти споры выглядят с точки зрения, оперирующей иной совокупностью допущений.

Вкратце рассмотрев ряд — можно было бы сказать поток — возражений относительно второй войны в заливе, мы сможем выделить шесть основных видов критики, выраженных во множестве различных регистров, распространенных по всему спектру общественного мнения.

1. Планируемое нападение на Ирак — это открытая демонстрация намерения Америки действовать в одностороннем порядке. Администрация Буша открыто заявила о своем намерении напасть на Багдад, даст ООН санкцию на это нападение или нет. Это не только серьезный удар по единству западных союзников, это должно привести к беспрецедентному и опасному ослаблению влияния Совета Безопасности как наивысшего воплощения международного права.
2. Широкое вмешательство такого масштаба на Ближнем Востоке будет только стимулировать рост антизападного терроризма. Вместо того чтобы помочь в уничтожении Аль-Каиды, оно, вероятнее всего, умножит число рекрутов для нее. Америка подвергнется большей опасности после войны с Ираком, нежели до нее.
3. Готовящийся блицкриг — это упреждающий удар, открыто объявленный таковым, который подрывает уважение к международному праву и риску-

ет погрузить мир в пучину насилия, поскольку другие государства начнут поступать точно так же, в свою очередь, по-своему трактуя закон.

4. В любом случае война всегда должна быть последним средством в разрешении международного конфликта. В случае Ирака, достаточное усиление санкций и контроля способно обезвредить режим БААС, сохранив при этом жизни невинных людей и единство международного сообщества.
5. Сосредоточение внимания на Ираке отвлекает от более серьезной опасности, представленной Северной Кореей, которая обладает большим ядерным потенциалом, более мощной армией и даже более жестоким руководителем. США следует уделить основное внимание Ким Чен Иру, а не Саддаму Хусейну.
6. Даже если вторжение в Ирак пройдет гладко, оккупация страны – это слишком опасное и дорогостоящее для Соединенных Штатов предприятие, чтобы справиться с ним успешно. Чтобы преуспеть в этом необходимо участие союзников, но односторонние действия администрации ставят под угрозу возможность этого. Арабский мир, скорее всего, посмотрит на иностранный протекторат с негодованием. Даже при участии западной коалиции в управлении страной, Ирак по-прежнему остается глубоко расколотым обществом, не обладающим демократической традицией, которая могла бы быть заново восстановлена так, как это было сделано в послевоенных Германии и Японии. Потенциальные издержки всего этого предприятия перевешивают любые возможные выгоды, которые США смогли бы из него извлечь.

Таков – в большей или меньшей степени – спектр критики, с которой можно столкнуться в господствующих средствах массовой информации и в уважаемых политических кругах как в самих Соединенных Штатах, так и – в еще более острой форме – в Европе и за ее пределами. Их можно распределить по следующим рубрикам: недостатки односторонних действий, риск усиления терроризма, опасности упреждающих действий, людские потери в войне, угроза из Северной Кореи и обуза слишком дорогой цены. По существу, они делятся на две категории: принципиальные возражения – изъятия односторонних действий, упреждающих действий, войны; и возражения здравого смысла: опасности терроризма, Северной Кореи, слишком дорогой цены.

Что же администрация Буша говорит в ответ на каждое из них?

1. Односторонние действия. Исторически Соединенные Штаты всегда отстаивали за собой право действовать в одиночку там, где необходимо, занимаясь поиском союзников там, где возможно. За последние годы они действовали в одиночку в Гренаде, в Панаме, в Никарагуа, и кто из их союзников теперь недоволен нынешними порядками в этих странах? Что касается ООН, НАТО не консультировался с ним, когда начал свое нападение на Югославию в 1999 году, которое было полностью одобрено всеми евро-

пейскими союзниками, говорящими теперь о необходимости разрешения Совета Безопасности, и которое получило 90%-ную поддержку со стороны тех, кто теперь выражает недовольство нашими планами относительно Ирака. Если можно было силой удалить Милошевича, который не имел никакого оружия массового поражения и даже терпимо относился к оппозиции, в конечном итоге и победившей его на выборах, то почему нельзя удалить силой Саддама, куда более опасного тирана, поставившего рекорд по нарушениям прав человека, нападавшего на соседей, использовавшего химическое оружие и не допускающего никакой оппозиции? В любом случае ООН уже приняла резолюцию №1441, которая, по сути, позволяет членам Совета Безопасности использовать силу против Ирака, поэтому даже не возникает вопроса о правомерности нападения.

2. Терроризм. Аль-Каида – это сеть, связанная религиозным фанатизмом, призывающая к священной войне мусульманского мира против Соединенных Штатов. Основную роль здесь играет вера в то, что Аллах обеспечит победу в джихаде. Поэтому нет более верного способа деморализовать и разрушить ее, чем показать тщетность надежд на помощь небес и абсолютную невозможность сопротивления превосходящей военной силе Америки. Имперский фанатизм нацистов и японцев угас после их сокрушительного поражения. Аль-Каида несколько не уступает им по силе. Почему же между ними должна быть какая-то разница?
3. Упреждающие действия. Здесь нет ничего нового, это традиционное право государств. Чем же, в конце концов, больше всего восторгаются после военной победы в послевоенное время, как не молниеносным упреждающим ударом? Израильская шестидневная война 1967 года, до сих пор не заслужившая осуждения, в сущности, является примером современной доктрины «справедливых и несправедливых войн», изложенной выдающимся американским левым философом Майклом Уолцером, высоко оцененной еще более выдающимся либеральным философом Джоном Роулзом в работе с подходящим названием – «Закон народов». В сущности, нападая на Ирак, мы просто завершим важный превентивный удар по реактору в Осираке в 1981 году. Кто же теперь этим недоволен?
4. Людские потери в войне. Это действительно трагедия, и мы сделаем все, что в наших силах – теперь в узком смысле слова, – чтобы минимизировать количество жертв среди гражданского населения. Но быстрая война на самом деле сохранит жизни, а не отнимет их. С 1991 года санкции против Ирака – одобренные большинством противников войны – привели к 500.000 смертей от недоедания и болезней, согласно данным ЮНИСЕФ. Возьмем нижний предел, скажем, 300.000. Весьма маловероятно, что быстрая, хирургически точная война, которую мы в состоянии вести, приведет к ущербу, сопоставимому с ущербом мирного времени. Напротив, как только Садам будет свергнут, нефть вновь вскоре потечет свободно, а иракские дети начнут нормально питаться. Вы увидите очень быстрый рост численности населения.

5. Северная Корея. Это неудачное коммунистическое государство, которое, несомненно, представляет собой серьезную опасность для Северо-Восточной Азии. Как мы отмечали еще задолго до сегодняшних воплей, она составляет другую оконечность Оси Зла. Но все дело в здравом смысле – сначала сосредоточить наши силы на более слабом, а не более сильном, звене Оси. Дело не в том, может или нет Пхеньян иметь какое-то количество архаического ядерного оружия, которое мы легко можем уничтожить, а в том, что он в состоянии разрушить Сеул в ходе обычной войны, поэтому нам следует более аккуратно подходить к его свержению. Но вы всерьез сомневаетесь, что мы в свое время займемся и северо-корейским режимом?
6. Слишком большая цена. Оккупация Ирака предполагает вызов, который мы не можем недооценивать. Но это разумная ставка. Враждебность арабов переоценивается. В конце концов, ее значение на всем Ближнем Востоке за два этих последних года показали действия Израиля по подавлению второй интифады, прошедшие под прицелами телекамер, к тому же народ куда более симпатизирует палестинцам, чем Саддаму. Вы также забываете о том, что мы уже установили успешный протекторат в северной трети Ирака, где довольно эффективно действуем совместно с курдами. И вы слышали какие-то страшные истории об этом? Конечно, суннитским центром страны управлять будет сложнее, но мысль о том, что существование прочных режимов, созданных иностранными державами или с их участием, на Ближнем Востоке невозможно, абсурдна. Вспомните стабильно существующую уже долгое время монархию, установленную англичанами в Иордании, или весьма удовлетворительное небольшое государство, созданное ими в Кувейте. Вспомните и о нашем хорошем товарище Мубараке в Египте, где городского населения намного больше, чем в Ираке. Говорят, что Афганистан был кладбищем для иностранцев – англичан, русских и так далее, – но мы освободили его довольно быстро, и теперь ООН проводит прекрасную работу по возвращению его к нормальному существованию. Почему не Ирак? Если все пойдет хорошо, то мы могли бы получить огромные выгоды – стратегическая платформа, институциональная модель и совсем не малые нефтяные запасы.

Но если теперь беспристрастно взглянуть на оба набора аргументов, то принципиальные вопросы едва ли возникнут – доводы администрации против ее критиков неопровержимы. Причина этого тоже вполне очевидна. Обе стороны разделяют одни и те же послышки, логика которых делает нападение на Ирак в высшей степени уязвимым проектом. Что это за послышки? Грубо говоря, их можно подытожить следующим образом:

1. Совет Безопасности ООН представляет собой высшее законное выражение «международного сообщества»; только его решения имеют обязательную моральную и юридическую силу.
2. Однако там, где необходимы гуманитарные и иные вмешательства Запада, разрешения ООН не требуется, хотя иметь его никогда не помешает.

3. Ирак грубо нарушил международное право, попытавшись аннексировать Кувейт, и должен был быть наказан за это преступление, против которого ООН тогда сплотилась в единое целое.
4. Ирак также стремился получить ядерное оружие, быстрый рост которого при любых обстоятельствах представляет собой чрезвычайную опасность для международного сообщества, не говоря уже о химическом или биологическом оружии.
5. Ирак — это беспрецедентная диктатура, если не принимать в расчет Северную Корею, нарушающая права человека.
6. Следовательно, Ирак не может обладать правами суверенного государства и должен быть подвергнут блокаде, бомбардировкам, а также лишиться территориальной целостности, пока международное сообщество не примет иного решения.

Имея такие посылки, не трудно показать, что Ираку нельзя позволить обладать ядерным и другим оружием, что этим он бросил вызов последующим резолюциям ООН, что Совет Безопасности молчаливо одобрил второе нападение на него (поскольку не запретил нападение на Югославию), что нынешнее смещение Саддама Хусейна уже должно было произойти вчера.

Однако именно вследствие этого администрацию можно критиковать отталкиваясь не от принципов, а просто от здравого смысла. Возможно, вторжение в Ирак вполне приемлемо и даже желательно в нравственном плане, но является ли оно политически разумным? Оценка последствий всегда менее предсказуема, чем дедукция из принципов, поэтому поле для разногласий остается весьма значительным. Всякий, кто считает, что Аль-Каида — это смертельная бактерия, которая только и ждет того, чтобы стать эпидемией, или что Ким Чен Ир — это еще более безумный деспот, чем Саддам Хусейн, или что Ирак может стать еще одним Вьетнамом, вряд ли станет ссылаться на резолюцию №1441 или высокую миссию НАТО по защите прав человека на Балканах.

Конструкции интеллектуального оправдания — это одно. Настроения масс, хотя и испытывавшие определенное их влияние, — это другое. Огромные демонстрации против нападения на Ирак, прошедшие 15 февраля в Западной Европе, Соединенных Штатах и Австралии, поднимают вопросы иного рода. Их можно сформулировать следующим образом. Чем объясняется этот широкий, страстный протест против перспективы войны, принципы которой мало чем отличаются от предыдущих военных вмешательств, которые были приемлемыми для многих из тех, кто теперь выступает против готовящегося, и даже поддерживались ими? Почему война на Ближнем Востоке пробуждает сегодня те чувства, которые не смогла пробудить война на Балканах, если, с точки зрения логики, никакой разницы между ними нет или почти нет? Несопоставимость реакций едва ли связана с разницей между Белградом и Багдадом, и, во всяком случае, по-видимому, больше доводов за, чем против вмешательства. Объяснение явно нужно искать не в этом. Кажется, что решающими должны быть три фактора.

Во-первых, враждебность к республиканскому режиму в Белом доме. Культурное неприятие президентства Буша широко распространено в Западной Европе, где его грубые заявления о превосходстве Америки и недипломатичная склонность говорить то, что думаешь, вызвали серьезное недовольство общественного мнения, привыкшего к более благопристойной завесе, прикрывающей властные отношения. Чтобы понять, насколько важна это составляющая в европейских антивоенных настроениях, достаточно посмотреть на ту почтительность, с которой были встречены клинтоновские последовательные воздушные бомбардировки Ирака. Если бы вторую войну в заливе готовила администрация Гора или Либермана, сопротивление было бы вдвое меньше теперешнего. Западноевропейские средства массовой информации испытывают сейчас глубокое отвращение к Бушу, а общественное мнение не видит никакой действительной разницы между этими двумя партиями в Соединенных Штатах. Достаточно обратить внимание, что основной практический исполнитель и главный теоретик войны в Ираке, Кеннет Поллак и Филипп Боббит, — это прежние украшения режима Клинтона. Но, поскольку серьезных политических различий в западных политических системах становится все меньше и меньше, символические различия стиля и имиджа могут легко становиться истерически ригидными. *Kulturkampf* между демократами и республиканцами в Соединенных Штатах теперь повторяется между США и ЕС. Как правило, в таких спорах накал страстей участников обратно пропорционален глубине реальных разногласий. Но, как в конфликтах между синими и зелеными фракциями византийского ипподрома, второстепенные эмоциональные предпочтения могут иметь важные политические последствия. Европа, оплакивающая Клинтона, — посмотрите передовицы *Guardian*, *Le Monde*, *La Repubblica*, *El Pais* — может объединиться в осуждении Буша.

Во-вторых, определенную роль играет зрелище. Общественное мнение было хорошо подготовлено к балканской войне широким освещением на телевидении и в прессе этнической жестокости в регионе, реальной и — после Рамбуйе в значительной степени — мифической. Несопоставимо большие убийства в Руанде, где Соединенные Штаты, опасаясь отвлечения внимания средств массовой информации от Боснии, как раз в то самое время приостановили вмешательство, напротив, были оставлены без внимания. Осада Сараево под прицелами телекамер повергала в ужас миллионы. Уничтожение Грозного, благополучно оставшееся за кадром, вызвало лишь пожатие плечами. Клинтон назвал его освобождением, а Блэр поторопился поздравить Путина с избранием еще до окончания подсчета голосов. В Ираке тяжелое положение курдов широко показывалось по телевидению после войны в заливе, мобилизуя общественное мнение в пользу создания англо-американского протектората без какого-либо участия ООН. Но сегодня, хотя многие в Вашингтоне или Лондоне осуждают злодеяния Саддама Хусейна, не говоря уже о его оружии массового поражения, они практически не видны для европейского наблюдателя. Показ слайдов Пауэллом в Совете Безопасности не заменяет выступающих с микрофоном Бернара-Анри Леви или Майкла Игнатьева. Из-за отсутствия визуальных средств освобождение Багдада оставляет европейское воображение холодным.

Третье и, быть может, самое важное — это страх. Удары с воздуха можно было наносить по Югославии в 1996 году и, начиная с 1991 года, по Ираку,

не опасаясь ответных действий. Что могли сделать Милошевич и Саддам? Они были глупыми неудачниками. События 11 сентября пошатнули такое самодовольство. Здесь действительно имело место незабываемое зрелище, предназначенное для того, чтобы заигнотизировать Запад. Целью атак были США, а не Европа. Если европейские государства, в первую очередь Англия и Франция, участвовали в контрнаступлении в Афганистане, для жителей этих стран он все-таки был далеким театром военных действий, занавес в котором опустился довольно быстро. Перспектива вторжения и оккупации Ирака, гораздо более крупного и ближе — в самом центре Ближнего Востока — расположенного, о котором европейское общественное мнение знает, стараясь туда не вмешиваться, что не все гладко на Земле Израильской, — это другое дело. Призрак возмездия Аль-Каиды или похожих групп, выступающих за повторение балканской войны, остудил многие горячие головы нового «военного гуманизма» конца 1990-х годов. Сербы были пустяком: меньше восьми миллионов. Арабов — 280 миллионов, и они намного ближе к Европе, чем к Америке — и их уже совсем не мало в ней самой. Размышляя об операции в Багдаде, даже верноподданные новые лейбористы вопрошают: уверены ли мы, что нам и на сей раз удастся избежать неприятностей с этим?

Крупные массовые движения нельзя оценивать по узким логическим критериям. Какими бы ни были причины этого, многие из тех, кто протестовал против войны в Ираке, обращались к собственным правительствам. Во всяком случае, среди них было слишком много молодежи, чтобы, как в былые времена, ее можно было склонить к компромиссу. Но если движению суждено будет сохранить свою мощь, оно должно будет развиваться вне связи с фанклубами, политикой зрелища, этикой страха. Ибо война, если она начнется, не будет похожей на Вьетнам. Она будет короткой и жестокой; и нет никаких гарантий, что наступит идеальная справедливость. Просто продиктованная благоразумием оппозиция войне не получит триумфа, как и заламывание рук по поводу ее законности, фигового листка ООН. Различные судьи и юристы, которые теперь придираются к грядущей кампании, вскоре пойдут на мир со своими начальниками; армии союзников разворачиваются на Тигре, а Кофи Аннан уже выступил с парой миролюбивых речей, написанных не без участия авторов из *Financial Times*, о послевоенной помощи. Сопrotивление действиям властей, чтобы иметь перспективы, должно найти другую, принципиальную основу. Поскольку нынешние дебаты без конца обращаются к «международному сообществу» и ООН, как если бы они были бальзамом от администрации Буша, следует отгалкиваться и от них. Альтернативную перспективу можно передать в виде нескольких кратких утверждений.

1. Никакого международного сообщества не существует. Этот термин — эвфемизм для гегемонии Америки. Именно под влиянием администрации некоторые ее должностные лица отказались от него.
2. Организация Объединенных Наций — это не место беспристрастного авторитета. Ее структура, предоставившая непомерную формальную власть пяти нациям-победительницам войны, выигранной пятьдесят лет

тому назад, политически неоправданна: исторически сопоставима со Священным Союзом начала девятнадцатого века, который тоже заявлял, что его миссия — сохранение «мира во всем мире» во «благо человечества». Пока эти державы были разделены холодной войной, они уравновешивали друг друга в Совете Безопасности, и организация не могла принести серьезного вреда. Но по окончании холодной войны ООН стала прикрытием воли Америки. Предназначенная, как предполагалось, для того, чтобы служить делу мира во всем мире, организация с 1945 года провела две крупные войны и не предотвратила ни одной. Ее решения — это, главным образом, упражнения в идеологическом манипулировании. Некоторые ее подчиненные организации — ЮНЕСКО, ЮНКТАД и т.п. — неплохо работают, а Генеральная Ассамблея вполне безобидна. Но никакого реформирования Совета Безопасности не предвидится. Не будь его, мир бы только выиграл, став более честной и равной ареной для государств.

3. В равной степени неоправданной является и ядерная олигополия пяти держав-победительниц 1945 года. Договор о нераспространении ядерного оружия — это насмешка над всеми принципами равенства или справедливости — те, кто имеют оружие массового поражения, настаивают на том, что все, кроме них, должны отказаться от него в интересах человечества. Если бы другие государства заявили о таком оружии, то, независимо от их величины, это уравнесило бы высокомерную власть последних. На деле, как можно было ожидать, такое оружие уже получило распространение, и пока крупные державы не откажутся от него, нет никаких принципиальных оснований выступать против того, чтобы им обладали другие. Кеннет Уолц, старейший авторитет в американской теории международных отношений, безупречно респектабельный источник, давным-давно опубликовал спокойное и обстоятельное эссе, которое так никто и не опроверг, под названием «Распространение ядерного оружия: может, это и к лучшему». Советую его прочесть. Идея о том, что Ираку или Северной Корее нельзя позволить иметь такое оружие, тогда как Израилю или белой Южной Африке — можно, не имеет никаких логических оснований.
4. Аннексии территории — завоевания, если выражаться традиционно, — наказание за которые служит формальным оправданием блокады Ирака со стороны ООН, наказывались Организацией Объединенных Наций только тогда, когда завоевателями были не союзники США, а только их противники. Граница Израиля, вопреки резолюциям ООН от 1947 года, не говоря уже о резолюциях 1967 года, есть продукт завоевания. Турция захватила две пятых Кипра, Индонезия — Восточный Тимор, а Марокко — Западную Сахару, не вызвав никакого возмущения в Совете Безопасности. Юридические тонкости имеют значение только тогда, когда на кону интересы врагов. Если сейчас все озабочены Ираком, какая-то незаурядность агрессии режима БААС — это миф, как Джон Мейршаймер и Стивен Уолт, которых сложно назвать парочкой провокационных интеллектуалов, недавно во всех деталях показали в своем недавнем эссе в *Foreign Policy*.

5. Терроризм в том виде, в котором он проводится Аль-Каидой, не является сколько-нибудь серьезной угрозой существующему положению вещей. Успех театральной атаки 11 сентября зависел от неожиданности — даже четвертый самолет не сможет вызвать такого эффекта. Будь Аль-Каида мощной организацией, она нацелила бы свои удары против американских сателлитов на Ближнем Востоке, где свержение режима в политическом плане привело бы к более серьезным последствиям, чем атака на саму Америку, для которой она была всего лишь мелкой стратегической неприятностью. По утверждению Оливера Роя и Гила Кешпела, двух главных авторитетов в области современного исламизма, Аль-Каида — это изолированный осколок массового движения мусульманского фундаментализма, чье обращение к террору является симптомом слабости и поражения — исламский эквивалент «Фракции красной армии» или красных бригад, которые возникли в Германии и Италии после затухания крупных студенческих волнений конца 1960-х годов и были без труда подавлены государством. Полная неспособность Аль-Каиды совершить хотя бы один теракт, когда ее базу разносили в клочья, а ее руководство уничтожалось в Афганистане, говорит о степени ее слабости. По разным причинам она удовлетворяет как нынешнюю администрацию, так и демократическую оппозицию, пробуждая призрака громадного и смертельного заговора, способного нанести удар в любой момент, но эти домыслы имеют мало общего с Ираком, который никак не связан с Аль-Каидой сегодня и ничего не даст ей, если падет завтра.
6. Тирании или нарушения прав человека, которые теперь используются для оправдания военных вмешательств — посприание государственного суверенитета во имя гуманитарных ценностей, — внимание ООН привлекают избирательно. Иракский режим — это бесчеловечная диктатура, но до тех пор, пока она не напала на американскую пешку в заливе, Запад ее вооружал и финансировал. И она не более кровава, чем индонезийский режим, который в течение трех десятилетий был главным оплотом Запада в Юго-Восточной Азии. До недавнего времени в Израиле были узаконены пытки, открыто санкционированные Верховным Судом, и маловероятно, что они без следа исчезнут сегодня под давлением Запада, который его поддерживал. Турция, недавно подавшая заявку на вступление в ЕС, в отличие от Ирака даже не позволяет курдам разговаривать на родном языке и, будучи на хорошем счету в НАТО, беспрепятственно бросает людей в тюрьмы и пытает их. Что касается «международной справедливости», то фарс Гаагского трибунала по Югославии, где НАТО выступает как в роли прокурора, так и в роли судьи, еще более усилится на Международном уголовном суде, на котором Совет Безопасности сможет запретить или приостановить любые действия, которые вызовут его недовольство (то есть которые могут вызвать раздражение его постоянных членов), а частные фирмы и миллионеры — *Walmart* или *Dow Chemicals*, Хиндья или Файед — с радостью приглашаются для проведения расследований (16 и 116 статьи устава). Если Саддам попадет в плен, его, разумеется, призовут к ответу перед этим царственным органом. Но кто

может себе представить, что Шарон, Путин, Мубарак или – как немного ранее Туджман – предстанут перед ним?

Какой из этого вывод? Только такой. Хныканье о безумии Блэра или о неотесанности Буша лишь способствует сохранению существующего положения. Споры о грядущей войне привели бы к большим результатам, если бы сфокусировали внимание на всей прежней структуре специального режима Организации Объединенных Наций в отношении Ирака, а не на пререканиях по второстепенному вопросу о том, продолжать ли постепенное давление на страну или же разрешить ее невзгоды одним махом.

Перев. с англ. Артема Смирнова